

• большая детская библиотека •

Э. УСПЕНСКИЙ

25 ПРОФЕССИЙ
МАШИ
ФИЛИПЕНКО

Сказочные повести

Эдуард Николаевич Успенский
25 профессий Маши
Филипенко. Сказочные повести
Серия «Большая детская библиотека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69543100

25 профессий Маши Филипенко: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-158526-6

Аннотация

В книгу вошли две повести Эдуарда Успенского про разумных, активных девочек: «25 профессий Маши Филипенко» и «Меховой интернат». Одна, Маша, учится в третьем классе, другая – Люся – в четвёртом. И у обеих, помимо школьных уроков (на которых они, кстати, показывают весьма средние результаты), есть интересные занятия. Некоторые взрослые считают, что очень для них вредные. А оказывается, что совсем наоборот.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

25 профессий Маши Филипенко	5
Вступление, или почти начало	5
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	65
Глава 5	73
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Эдуард Успенский

25 профессий

Маши Филипенко

© Успенский Э. Н., насл., 2023

© Муратова Е. Л., ил., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

25 профессий Маши Филипенко

Вступление, или почти начало

Однажды в третий класс, в котором училась Маша, пришёл лектор. Он был пожилого возраста, старше тридцати, таковой, ничего себе, в сером костюме, и сразу сказал:

– Здравствуйте, меня зовут профессор Баринов. Сейчас мы все возьмём ручки и напишем сочинение: «Что бы я сделал, если бы я был председатель горсовета». Понятно?

Ребята во главе со старостой Киселёвым вытаращили глаза и сказали:

– Понятно.

Хотя им ничего понятно не было. А профессор продолжал:

– Лучшие сочинения будут переданы в горсовет и выполнены. Договорились?

Ребята посмотрели на Екатерину Ричардовну. Она кивнула им головой: мол, пишите, ребята, договорились.

И они начали писать. Класс у Екатерины Ричардовны очень самостоятельный. Раз она решила за них, что надо писать, они уж напишут.

Главное – их включить. И вот они сидели, залитые последними осенними лучами солнца, и писали. А профессор Ба-

ринов смотрел во все стороны: в окно, на лампочки, в шкаф, только не на Екатерину Ричардовну. Наверное, влюбился.

Валера Готовкин, сосед Маши Филипенко по парте и главный школьный друг, написал:

«Если бы я был *приседателем* городского совета городских трудящихся, я бы не ломал старые дома. Которые из дров. Они такие старинные у нас. Я бы ставил их на крыши новых кварталов. Или бы оставлял их во дворе для играния ребят. Чтобы они сохранились для будущих детей и людей. И ещё я на улице сажал бы не деревья, а яблони».

Дима Аксёнов, второй Машин школьный друг, заместитель Валеры Готовкина по хозяйственной части, поглядел, что у него написано, и тоже написал:

«Я бы сделал так, чтобы на газонах росли капуста и помидоры. Уж в крайнем случае, репа. И надо, чтобы граждане на балконах сеяли картошку и виноград. Тогда с продуктами будет легче, когда они созреют. Если бы я был председателем, я бы запретил продавать водку в магазинах и везде».

Дима Аксёнов был легендарный мальчик, очень глазастый и очень хозяйственный. Его глаза всегда были распахнуты и на хозяйство направлены. Он всегда знал, в какой магазин что завезли и где что выбросили. Где валенки, где рыбу. Родители на него не нарадовались. А папа у него выпивал.

Впрочем, не только Дима Аксёнов был хозяйственный. И другие дети тоже. Только каждый по-своему. Маша Филипенко придумала так:

«Если бы я была председательница городского совета, я бы сделала так, чтобы электрички и метро по ночам ходили в один вагон. А то они идут длинные и пустые. И ещё. Я перенумеровала бы все станции «Киевская». А то их много, и я в них с мамой путаюсь. Надо, чтобы была «Киевская-1», «Киевская-2» и «Киевская-3». И ещё. В больших домах дети много пользуются лифтами без толку. Особенно вниз. Надо сделать специальные детские винтовые съезжалки на ковриках».

В общем, ребята много чего толкового написали. Так что пожилой профессор Баринов стал ещё пожилее и серьёзнее. Он прочитал все сочинения и сказал:

– Я всегда считал, что дети – это люди с незамутнённым мышлением. Сегодня я в этом ещё раз окончательно убедился. Мы все сочинения передадим заместителю председателя горсовета по улучшению товарищу Костомарову. Потому что в сочинениях есть много ценных советов. И пусть он их воплощает. Но этого мало...

Профессор заложил руки за спину и сурово прошёлся по золотому от солнца классу. Значительно оглядел всех, кроме Екатерины Ричардовны, и продолжал:

– Среди ребят с незамутнённым мышлением встречаются особо незамутнённые ребята. У вас тоже есть один такой ребёнок. Я не буду называть его точно, чтобы не смущать. Просто скажу, что это Маша Фэ. Или Филипенко Мэ. И этот ребёнок понадобится нам для дальнейших исследований и

работ.

– А какие у вас исследования? – спросила Екатерина Ричардовна. – Этот ребёнок очень зазнавательный, и вы можете его испортить.

Удивительный человек Екатерина Ричардовна. Никогда не кричит, никогда никого не наказывает, а все её слушаются. Она даже двойки ставит совсем не двоичные, а воспитательные.

– Мы исследуем производство – колхозы, фабрики, магазины. Стараемся новыми глазами посмотреть на старый труд. Берём ребят с незамутнённым мышлением и сажаем на взрослую работу. Чтобы ребята делали открытия.

– И у вас уже есть успехи?

– Да, и очень большие. Вы слышали, что недавно у Савёловского вокзала подъёмный кран упал на электричку?

– Слышали.

– Это результат нашей работы.

– В чём же тут успех?

– На кране работал наш улучшатель мальчик Валера Петросов. Он грузил вагоны и увидел машину с квасом. И решил машину с улицы перенести на платформу к пассажирам. Кран упал, квас разлился. Но мы узнали, что устойчивость крана недостаточная, что её надо увеличивать. А главное – сработало противопадающее устройство мальчика Петросова.

– В чём же оно заключалось? – спросила засекреченная

Маша Фэ. – Кран не до конца упал?

– Кран упал до конца. Но с мальчиком ничего не случилось. По его предложению кабина крана была оклеена надувными матрасами. И теперь все крановщики так работают.

Профессор Баринов попрощался и ушёл. Он только ещё зашёл в учительскую и спросил адрес незамутнённой третьеклассницы Филипенко М.

Оставшийся третий «А» долго сверкал и светился под взглядами любимой Екатерины Ричардовны. Вот это урок – ни одного замечания, ни одной даже тройки!

Глава 1

Первая профессия Маши Филипенко

Лучшая закройщица

Целую неделю Маша жила как на вулкане. И всё ждала, когда же он взорвётся, когда её позовут исследовать колхозы и фабрики.

И вот наконец она приходит из школы, а в почтовом ящике открытка.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства приглашает тебя для получения работы. Ждём тебя в понедельник, в три часа дня. Рекомендуем прийти вместе с родителями (папа, мама), но без бабушек и дедушек. При себе необходимо иметь дневник и фотографию.

Нам кажется, работа тебе понравится. Тем более, что она оплачиваема. Наш адрес: дом, самый близкий к Музею Пушкина.

Главный учёный института – профессор Баринов».

Маша как вытащила открытку из почтового ящика, так с места и пошла в Институт получать работу. Чего там понедельник, зачем там беспокоить родителей – папу и маму.

Через тёплый дождик по городу прошагала она по указанному адресу.

У входа в длинное трёхэтажное здание её остановил вах-

тёр.

– Ты куда?

– К учёному Баринову. По приглашению.

– Успеется. Дневник при тебе?

Видно, этот вахтёр никуда не спешил.

– При мне.

– Покажь, пожалуйста.

Маша достала дневник. Вахтёр долго горестно кашлял над ним:

– Надо же! Восемь троек. А туда же, в незамутнённые попала. Ну и времена. Не иначе как родители ценный подарок сделали руководству. Или родственники из министерства звонили.

У Маши так и заскакали в голове всякие остроумные выражения типа: «Сами вы ценный подарок!» или «Это ваши родственники звонили из министерства, а мои не звонили!». Но Маша сдержалась, ничего не сказала, строго взяла дневник и прошла мимо.

Она поднялась на второй этаж. По бокам на дверях висели таблички: «Сотрудник по алгебре», «Сотрудник по русскому языку», «Начальник отдела диктантов».

Маша сразу поняла, зачем эти сотрудники. Если какой-то улучшатель увлечётся улучшением и нахватает двоек, его немедленно начнут подтягивать. Профессор Баринов очень обрадовался, что Маша пришла. Он усадил её в мягкое кресло, так что Маша совсем исчезла, и сказал:

– Мы вас направим в ателье женской одежды. Там уже три года не выполняется план. Им прислали сильную руководительницу, но и она ничего не может сделать. Посмотрите, в чём там у них дело, и столкните с мёртвой точки. Их необходимо расшевелить, взбудоражить.

Он забрал у Маши фотографию и повёл её в отдел кадров. Там строгие люди в очках выдали ей напечатанное на бланке направление на работу. Маша взяла его и весь вечер радостно читала:

«Институт Улучшения Производства направляет свою улучшительницу Марию Александровну Филипенко в ателье женской одежды «Силуэт» № 78 для исследования условий работы и улучшения. Просим руководство «Силуэта» обеспечить сотрудницу типовым рабочим местом и материалом.

Рабочий день сотрудницы не должен превышать трёх часов. О всех затруднениях с ней просим звонить по телефону 42-29-86 научному руководителю пр. Баринову».

Маше очень хотелось показать эту бумагу родителям – папе и маме, но она не стала рисковать. Покажешь им бумагу, они спросят: «А как у тебя с отметками?» А потом будут долго думать и вздыхать не хуже того вахтёра из Института Улучшения.

И неизвестно, чем всё это кончится. Потому что мама может сказать:

– Знаешь что, девочка, сначала ты свою успеваемость улучши, а потом чужой производительностью занимайся.

А папа добавит:

– Я скоро стану седым от горя. Я такого количества троек за всю жизнь не встречал. Их тут тысяча или две?

На следующий день Маша отправилась улучшать. В ателье № 78 «Силуэт» было очень интересно. Горели длинные лампы дневного света. Стояли швейные машинки и манекены. Приёмник в углу светился зелёным светом и рассказывал про новые домны.

Все работники сбежались смотреть на Машу. Толстая пуговичница Лизавета Чуркина сказала:

– Ой, прислали сиротку! С такими только план выполнять!

А мужская брючница Четверикова добавила:

– Тоже мне улучшательница! Её саму улучшать и улучшать, вон она какая дохленькая!

Директриса товарищ Сабинова строго спросила:

– Девочка, ты когда-нибудь работала на швейной машинке?

– Я папе джинсы подшивала.

– И что, получилось? Подшились джинсы?

– Не совсем. Машинку заклинило. Папа до сих пор не может её стронуть с места. Он говорит, что то и другое спасти не удастся. Придётся или машинку выбрасывать, или джинсы. Надо только узнать, что дороже стоит. Кажется, джинсы

дешевее.

– Джинсы шьют из парусины, – сказала Сабинова. – Это очень плотный материал. Мы тебе для начала мешковину дадим. А пока иди садись к машинке и крути её, как мясорубку. Привыкай к вращательным движениям. Другой рукой можешь книжку читать. Будем автоматизм вырабатывать.

Маша так и сделала. Села и стала одной рукой машинку крутить, а другой журналы переворачивать.

Пуговичница Лизавета Чуркина, такая маленькая и кудрявая, спрашивает:

– Скажи, девочка, почему у тебя волосы так красиво блестят и так хорошо уложены?

Маша возьми да и ответь:

– А я их молоком перед сном промываю. Слабым раствором. Уже целый год.

Лизавета Чуркина всё это запомнила и мужской брючнице Четвериковой секрет открыла. И обе они глубоко задумались.

Закройщик Лопухин, такой высокий и воспитанный, говорит:

– Девочка, а вот те джинсы недорогие, которые ты папе испортила, где покупали?

– Как, вы не знаете? – отвечала Маша. – На станции Клязьма новый магазин открыли, «Дом джинсов» называется. Там на первом этаже польские брюки продают, на втором – чешские, а наверху – из итальянской народной капиталистиче-

ской республики. Там этих джинсов завались, даже бархатные есть.

Закройщик Лопухин всё это тоже запомнил и даже в книжечку записал.

Для чего всё это Маша наговорила, она и сама не знала. Может быть потому, что профессор Баринов просил ателье взбудоражить, чтобы они не закисали.

На другой день было воскресенье – самый рабочий день для ателье. Маше в школу идти не надо было. Она с утра в ателье направилась – улучшать.

Маша шла по улице вся важная и занятая. И всё хотела, чтобы попался кто-либо из одноклассников и спросил бы:

– Куда это ты, Филипенко, направилась?

А она бы ответила:

– Это тебе делать нечего, ты весь извертелся. А я на работу иду.

Но, как назло, никто не попадался. В это прохладное мохнатое утро все ещё, наверное, спали после тяжёлых школьных битв.

Товарищ Сабинова, строгая, как сабля, стояла у входа с тетрадкой и отмечала, кто опоздал. Только отмечать было некого. Никто не приходил.

Товарищ Сабинова дала Маше большой кусок подкладочной мешковины и стала звонить, куда все делись:

– Алло. Позовите к телефону Чуркину Елизавету Аркадьевну.

Ей там говорят:

– Лизавета Аркадьевна подойти не может. Она к подушке приклеилась.

– Что это за шутки? – вскричала товарищ Сабинова. – Скажите ей, чтобы немедленно шла на работу.

А там отвечают:

– Не можем сказать. Подушка мешает. Не слышит она ничего. Потому что она пуховая.

Товарищ Сабинова совсем рассердилась:

– Вот я сейчас сама приеду с ней поговорю. Она у меня всё сразу поймёт и услышит всё. Она у меня станет шёлковая.

– И у вас она ничего не поймёт. Она в ванной сидит. Отмокает, чтобы отклеиться.

Товарищ Сабинова мужской брючнице Четвериковой позвонила:

– Почему это вас нет? Немедленно явитесь на работу!

А Четверикова в ответ говорит:

– Да как же я явлюсь? У меня подушка к затылку прилипла. Я в ней – как Наполеон в треуголке.

– Так и приезжайте, как Наполеон в треуголке. Я здесь ножницы возьму и буду вас отстригать.

Следующим делом товарищ Сабинова закройщику Лопухину позвонила. У Лопухина к телефону подошла бабушка:

– А Володенька заболел. Он за джинсами поехал на станцию Клязьма.

– Всё ясно! – сказала директор Сабинова. – Кто-то хочет

нас погубить. Кто-то на наше ателье порчу наслал. Это, наверное, всё та же Митрохина из главка. Не любит она нас. И материалов хороших не даёт. И глаз у неё дурной – чёрный.

Товарищ Сабинова так разволновалась, что побежала в аптеку успокаивающее покупать. А Маше велела клиентов развлекать и задерживать.

И сразу клиентка пришла. Такая высокая, с большими глазами и грустная. Маша стала её развлекать.

– Хотите, я вам анекдот расскажу?

– Хочу, – говорит клиентка, но как-то не очень уверенно.

– Он вам понравится, – говорит Маша. – Про тараканов.

У одного человека были тараканы. Он не мог их вывести. Он на работу пришёл и горюет. А ему один сотрудник говорит: «Ты не горюй. Ты дырку в стене прокрути и в двенадцать часов ночи скомандуй: «Все тараканы, из моей квартиры шагом марш!» Они и уйдут, только при этом смеяться не надо ни за что». Этот человек с тараканами так и сделал. Пришёл домой, дырку прокрутил и скомандовал: «Все тараканы, из моей квартиры шагом марш бегом!» Тараканы из всех щелей вылезли, построились и в дыру зашагали. Человек увидел и засмеялся от радости. Вдруг вылез большой рыжий таракан на костылях и как закричит: «Ребята, он пошутил! Возвращайтесь!» И все тараканы обратно вернулись. Интересно?!

– Интересно, – вежливо ответила красивая клиентка. – Только мне тараканы не нравятся.

– А кому они нравятся, – сказала Маша. – А дальше ещё

интереснее будет. Этот человек на работу пришёл и снова горюет, даже плачет весь. Ему сотрудник снова говорит: «Ты не рыдай. Ты ночью проснись в двенадцать часов и закричи: «Тараканы, на нас враги напали! В атаку на врагов!» Они в атаку уйдут, а ты дырку закрой. Только не спи ни за что». Человек так и сделал. Ночью как закричит: «В атаку на врагов шагом марш!» Тараканы отовсюду выскочили впопыхах, схватили иголки, гвозди всякие и в дырку побежали. А наш человек заснул. Просыпается, кругом полон дом тараканов. Все полы заняты, все табуретки. Рыжий таракан его за ногу дёргает: «Просыпайся, хозяин. Мы войну выиграли, пленных привели!»

Тут Маша остановилась и клиентку спрашивает:

– Интересно я вам про тараканов рассказываю?

– А много ещё? – с надеждой спросила женщина.

– Нет, совсем немного осталось. Этот человек плачет, а сотрудник ему говорит: «Два раза ты меня не слушал. Больше я тебе ничего не скажу. Только ты рыжего таракана не убивай». Человек, который с тараканами, домой ушёл. На завтра приходит на работу весь-превесь в слезах. Его все спрашивают: «Что случилось?» – «А вот что. Я домой пришёл, там одни тараканы. И этот рыжий, на костылях, спрашивает: «Ну как дела, хозяин?» Я как закричу: «Какой я тебе хозяин?» – и как тресну его столовой ложкой по лбу, он и сдох». – «Ну и что?» – спрашивают на работе. «Ничего, – говорит человек. – Со всего города тараканы на похороны

собрались. У меня теперь тараканов в сто раз больше стало». Всё, конец.

Красивая клиентка была поражена. Она внимательно всё прослушала про тараканов и говорит:

– Я к вам в ателье столько раз прихожу, и никогда у вас материалов хороших нет. Ничего интересного и особо модного.

Маша даже обиделась за родное ателье:

– Как ничего особо модного? А вот мешковина из Италии.

– Интересно, – говорит клиентка, – как может быть мешковина из Италии? У них там даже картошки нет. У них там одни апельсины. А апельсины в ящиках бывают, а не в мешках.

– Мешков у них нет, – согласилась Маша, – а мешковины завались. Потому что это самый модный материал в этом осенне-летнем сезоне. Сейчас все о мешковине просто мечтают.

– Почему? – удивилась клиентка. – Почему никогда о ней не мечтали, а в этом осенне-летнем сезоне начали?

– Потому что этот осенне-летний сезон будет особенно жарким. Такая жара раз в сто лет бывает. Наша Земля будет очень близко от Марса пролетать.

Вежливая клиентка совсем запуталась:

– При чём тут Марс? Тепло-то от Солнца бывает.

– Правильно, от Солнца. Но когда мы к Марсу подлетим, он всю атмосферу на себя оттянет. И с нашей стороны ат-

мосферы будет мало. Поэтому Солнце без задержки всех нагревать начнёт. Понятно?

Маша на себя поражалась – как это всё из неё сыплется? Она за всю жизнь не наговорила столько ерунды, сколько за эти два дня.

– Понятно, – сказала женщина. – А при чём тут мешковина?

– Мешковина с дырочками. Через неё и ветер проходит, и загорать можно. Давайте я сошью вам вечернее платье из мешковины, с вышивкой.

– Это не очень дорого? – спросила клиентка.

– Нет, совсем не дорого. Ведь я ученица.

Клиентка согласилась, и они стали размеры снимать. Измерили клиентку с головы до ног.

Маша тут же за ножницы схватилась. Стала мешковину резать.

– Что-то вы не так делаете, – сказала женщина. – Надо сначала выкройку из бумаги сделать.

– Передовые методы! – объяснила Маша. – Новая культура производства! Сейчас мы прямо на вас приметаем и сразу же шить начнём. Вы сегодня в платье и уйдёте.

– Ой, как хорошо! – сказала женщина.

Маша стала примётывать и увидела, что размахалась. Что ни в каком вечернем платье из мешковины клиентка сегодня не уйдёт. В лучшем случае, в легнем облегчённом, с коротким рукавом. Тогда она клиентку спросила:

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

– Ирина Вениаминовна.

– Я забыла вам сказать, Ирина Вениаминовна, что ещё в моде короткие спортивные платья сарафанного типа. Сейчас ими вся Италия охвачена и юг Франции.

Ирина Вениаминовна сказала, что она ничего об этом не знает.

– Наверное, это очень красивая мода, если ею охвачена вся Италия.

Но она не выразила немедленного желания перейти на спортивное платье сарафанного типа. Видно, идея недорогого вечернего платья из мешковины с вышивкой была для неё более привлекательна по возрасту.

Маша решила шить дальше что получится и уже потом, когда выйдет удача, уговорить Ирину Вениаминовну это носить.

Она внесла кое-какие поправки, сделала выкройки из газеты, но, когда она стала собирать всё в одно целое, она поняла, что и сарафанное южнофранцузское платье куда-то исчезло. И если клиентка прямо сегодня в чём-то уйдёт, то это будет максимум безрукавка бальная плюс юбка конно-спортивная... южнопляжный вариант.

Слава богу, явилась мужская брючница Четверикова в подушке, надетой треуголкой. Следом за ней прошла товарищ Сабинова, щёлкая ножницами. Они немного отвлекли клиентку. Но после того как они прошли, Ирина Вениаминов-

на насторожилась и у неё стал такой вид, словно она хотела спросить: «А что это с той женщиной? Почему она в подушке ходит?» И если она ничего не спросила, то только из-за своей повышенной интеллигентности. А Маша сказала:

– Вы знаете, сегодня какой-то день невезучий. Как вы смотрите на вечерние шорты из мешковины?

– Которыми охвачены вся Англия и Южная Скандинавия? – ехидно спросила Ирина Вениаминовна. – Это всё, что осталось от вечернего длинного платья?

– Ещё четыре носовых платка.

– Из мешковины?! Нет уж, не надо.

«Эх, – подумала Маша. – Не понимает. Это же так удобно – носовой платок с дырочками. Сморкаешься – и всё пролетает. В руках чистый платок остаётся. И стирать не надо, только гладить».

Пришёл высокий закройщик Лопухин, потом кудрявая пуговичница Чуркина. И спрос на Машу резко повысился.

– Простите, Маша, я бы хотел с вами поговорить, – сказал Лопухин.

– И я бы хотела, – сказала мокроголовая Чуркина.

– И я бы! – закричала товарищ Сабинова. – Ученица Филипенко, срочно зайдите ко мне.

Вместе с этими словами из её двери вылетело много-премного пуха.

– Сейчас! – ответила Маша. – Я только Ирину Вениаминовну провожу, клиентку постоянную.

Они вышли на улицу. Маша не отходила от Ирины Вениаминовны ни на шаг. И провожала её всё дальше. Она говорила:

– Вы не удивляйтесь, что я вас провожаю. У нас теперь в ателье только так. Передовые методы, новая культура обслуживания. Провожаем клиентов до всех видов транспорта.

– Я вам очень благодарна, – отвечала Ирина Вениаминовна. – Если вы уж так любезны, позвоните мне, когда у вас будут новые ткани. А то у вас уже два года шаром покати. Вот вам мой телефон.

Она дала Маше визитную карточку:

*Ирина Вениаминовна Архангельская
Заведующая литературной частью
Детского театра марионеток
Адрес: Москва.
Телефон: 217–740.*

У метро они расстались. Маша тоже захотела такую карточку:

*Маша Филипенко
Сотрудница ателье «Силуэт» № 78.*

Но она поняла, что, наверное, она уже не сотрудница. И направилась не в ателье, а прямо в Институт Улучшения.

Мимо вахтёра она прошла по-деловому, как своя, и поднялась к научному руководителю.

– Здравствуйте! – закричала она. – Здравствуйте... – Она забыла, как профессора зовут, высунулась из кабинета, по-

смотрела табличку на двери – «Профессор Баринов Д. Д.» – и снова засунулась: – Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич. Я всё поняла про ателье номер семьдесят восемь.

– Я вовсе не Дмитрий Дмитриевич, – сказал профессор, – а Дементий Дементьевич. И что же вы поняли?

– Почему у них ничего не повышается. Я уже два дня там проработала.

– Два дня – это мало. Но если вы поняли, напишите докладную записку и передайте мне. Вот вам стол, садитесь и пишите.

Маша села и написала:

ДАКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Докладываю: ателье № 78 плохо работает потому, что кто-то насрал на него порчу. Наверное, это Митрохина из главка. Не любит она ателье № 78 и второй год не даёт хороших материалов. Вот клиенты уходят, и плана нет. Клиентам надо послать открытки.

– Написали? – спросил Баринов.

– Да.

– Хорошо, оставьте, будем рассматривать. Если всё окажется правильным, примем меры. А вам найдём новую работу. Ждите от нас открыток.

Маша грустная пошла домой и стала ждать открытки, как люди зимой ждут лета, а летом отпуска.

Глава 2

Вторая профессия Маши Филипенко Один в полне воин

Маша ждала известий, а известий не было.

«Какие противные! – думала Маша. – Хотят извещают, хотят – нет. Когда я буду взрослая, я буду не такая. Я всех буду извещать».

В классе жизнь шла своим чередом. Екатерина Ричардовна даже не заметила, что Маша стала улучшательницей, и по-прежнему ставила ей то двойку ближе к тройке, то тройку ближе к двойке.

Сегодня на уроке она сказала:

– Ребята, называйте мне домашних животных.

Ребята стали кричать:

– Собака! Лошадь!

– Овца!

– Бык!

– Курица!

– А ещё? – сказала Екатерина Ричардовна.

– Всё, – ответили ребята. – Больше нет.

– Кончились животные.

– Эх вы! А самого домашнего зверя забыли. Давай, Маша, называй.

А Маша и не слышала ничего. Она о мешковине думала и о вечерних валенках на высоком каблуке. Она молчит.

Екатерина Ричардовна ей подсказывает:

– Что ж ты, Маша. Вот у бабушки живёт. Ласковый такой, с усами. Кто это?

Маша как ляпнет:

– Дедушка!

Валера Готовкин в жизни так не смеялся. У него от смеха мыльные пузыри изо рта пошли. Екатерина Ричардовна сказала:

– Ой, не могу! Беру тайм-аут на две минуты. Смейтесь кто сколько хочет. – И даже ругать Машу не стала.

А вечером открытка пришла.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства сообщает тебе, что твоя докладная об улучшении работы ателье № 78 оказалась правильной.

В ателье завезены новые материалы, и уже сделано много хороших заказов. Тебя там ещё помнят.

Приглашаем тебя для следующего улучшения.

Научный руководитель профессор Баринов».

Маша сразу нарядилась и в Институт пошла. На ней была длинная юбка до пола и белая кофточка. Профессор Баринов был потрясён и сказал ей в своём кабинете:

– Есть две заявки на улучшение. Первая – сельскохозяйственная, с отрывом от обучения. Вторая – торговая, без от-

рыва от школы.

Маша сказала:

– Я хочу с отрывом. – Уж больно её тройки измучили.

– Тогда придётся пригласить родителей.

– А можно пригласить Екатерину Ричардовну? Это наша учительница. Она добрая, она поможет.

– Можно пригласить Екатерину Ричардовну. Можно и директора школы. Можно и из Министерства просвещения кого-нибудь. Но главное, чтобы были папа и мама.

Маша пошла домой. Уговорить родителей на отрыв – эта операция будет посложней, чем работа в ателье № 78.

Теперь пришла пора поговорить про Машиных родителей. И надо о них узнать всего побольше, чтобы они неожиданно чего-нибудь не выкинули.

Как вы знаете, родителей себе не выбирают. Берут, какие достаются. Но достаются почему-то самые лучшие.

Я сколько хочешь знаю людей, которые недовольны своими учителями, соседями по парте, своей работой. Даже руководителями Центрального телевидения: мол, что это за ерунду у нас показывают! Но я не знаю людей, которые недовольны своими родителями.

(Это всё у нас. Может быть, у них, у капиталистов, наоборот. И какой-нибудь человек ужасно возмущается: «Ах, зачем мои родители миллионеры! Лучше бы они были из трудового крестьянства и воспитали бы меня тружеником».)

А Маше Филипенко особенно повезло. Ей достались про-

сто самые лучшие родители. Мама – технолог в троллейбусном парке. Папа – инженер с электрическим уклоном. Они были современные люди, любили музыку и конный спорт. Говорят, что папа в молодости был хиппи.

Маша прибежала домой и заявила:

– Папа и мама! Вас срочно вызывают!

Папа сразу сказал:

– Допрыгалась! – Но даже с места не сдвинулся. Как читал на диване фантастику, так и продолжал читать.

А мама спросила:

– Почему срочно?

– Потому что весь урожай может пропасть.

Мама отошла от телевизора, отложила в сторону жилетку, которую вязала, и спокойно произнесла:

– Не дави на психику и спокойно расскажи. Мы твои методы уже давно изучили.

У Маши действительно были методы. Она, например, прибегала домой в слезах и говорила, что на свете есть злые и жестокие люди.

И что ей, Маше, тяжело, потому что они котёнка на помойку выбросили. И что все взрослые такие. Тогда папа говорил:

– Не все. Есть и хорошие. Не рыдай, тащи сюда своего котёнка.

Маша сразу переставала плакать. Так она натаскала домой много всякой полудохлой живности: галчонка Крāju, кудла-

тую собаку Астру, рыбок. Ухаживали за всем этим разнообразием, разумеется, родители – папа и особенно мама.

– Так зачем нас срочно вызывают?

– Понимаешь, мама, группу молодёжи посылают за город, чтобы усилить сбор урожая. И меня тоже, как сотрудника Института Улучшения Производства.

Папа и мама совсем отложили свои дела и решили всё выслушать от начала до конца. Пришлось Маше рассказывать про то, как в школе писали сочинения, про то, как она попала в незамутнённые, про то, как она уже работала в ателье.

Папа посмотрел на маму, улыбнулся и сказал:

– Ладно. Будь по-твоему. Поехали к профессору Баринову.

Папа с мамой нарядились. Папа даже галстук надел. И они приехали.

Дементий Дементьевич принял их очень серьёзно. Посадил в большие кресла в своём кабинете. Позвонил в кнопку и сказал секретарю:

– Ко мне, пожалуйста, никого не пускайте. У меня важные посетители.

Он рассказал папе и маме, что Институт Улучшения приносит много пользы. Что ребята по-новому подходят к взрослым работам и дают полезные рекомендации. Они решают всякие загадочные проблемы.

Папа на это сказал, что у них на заводе есть одна загадочная проблема:

– Мы выделяем детали на пятьсот пять телевизоров. А на склад поступает только пятьсот. Пять телевизоров куда-то деваются.

– Вы напишите нам заявку об этом. Мы направим к вам улучшателя, – сказал Баринов. – И проблема будет решена.

– Не знаю, не знаю! – сказал папа. – Лучшие умы нашего завода, все контролёры в тупике, а вы возьмёте и решите?

– А мы возьмём и решим! Потому что у нас работают незаштампованные мозги. И мы просим родителей оказывать содействие.

– А как же её отметки? – спросила мама.

– Это мы берём на себя. Опыт показывает, что работа улучшателем улучшает успеваемость. Даже читаемость книг у ребят повышается.

– Ладно! – сказал папа. – Тогда по рукам.

Дома он сказал маме, что профессор Баринов ему очень понравился.

Под конец разговора они обговорили, сколько одежды давать Маше в сельскую местность и что объяснить в школе Екатерине Ричардовне.

Через день мама провожала Машу за город. Она несла рюкзак по платформе и говорила:

– Пятая по счёту остановка будет называться Опалиха. Прямо напротив станции правление. Там тебя встретит бригадир Шкатулкин. В правлении есть телефон. Позвонишь и скажешь, всё ли у тебя в порядке.

– Хорошо, мама.

– Желаю успеха в повышении урожайности!

Маша вошла в вагон и сразу же высунулась из окошка.

Электричка поехала.

– Мама, ты не беспокойся. Я буду учить математику. Я вернусь, ты меня не узнаешь!

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

1. «Приказ от 21.09 о зачислении ученицы Филипенко М. А. на должность бригадира полеводческой бригады с заданием собирать кабачки сорта им. Мичурина.

Приказываю зачислить с окладом 90 руб.

Директор совхоза Демидов».

2. «Приказ от 22.09 об объявлении строгого выговора бригадиру полеводческой бригады Филипенко М. А. за просыпание на работу и за неявку всей бригады.

Приказываю объявить.

Директор совхоза Демидов».

3. «Служебная записка старшему бригадиру тов. Шкатулкину.

Безобразие! Во время рабочего времени бригада Филипенко разучивает песни. Почему? Как у тебя с планом по сбору?

Директор совхоза Демидов».

4. «Служебная записка директору совхоза тов. Демидову.

План у них выполнен на 30 процентов.

У меня потребовали баян и баяниста. Я принесу брандспойт и смою их с поля... вместе с этой Филипенко М. А.

Старший бригадир Шкатулкин».

5. «Служебная записка старшему бригадиру тов. Шкатулкину.

Отставить брандспойт. По условиям договора с Институтом в работу улучшателей вмешиваться нельзя. Что они делают сегодня? Как у них с планом на второй день работы?

Директор совхоза Демидов».

6. «Служебная записка директору.

Поют. Баяниста посадили на ящик, заставляют играть. Имею вопрос: у нас совхоз или праздник песни? И репертуар какой-то сомнительный, не сельский – «Чунгу-чугунгу» разучивают. Сил моих больше нет. План у них выполнен на 50 процентов.

Старший бригадир Шкатулкин».

7. «Черновик письма в Институт Улучшения руководителю, профессору Баринову.

Товарищ Баринов, заберите, пожалуйста, ваш хор имени Пятницкого. Горим с планом! Пришлите лучше обычных студентов для сбора кабачков им. Мичурина. Да побольше!

Директор Демидов».

Не отправлено.

8. «Служебная записка директору Демидову.

Тов. директор! Какая-то чертовщина. Весь день плясали, а план выполнили на 60 процентов. Это

похуже, чем наши деревенские, но получше, чем студенты. С чунга-чанговским приветом. Всё-таки я бы очень хотел, чтобы весь этот ансамбль песни и пляски заменили на обычных студентов. От них хоть знаешь, что ждать.

Старший бригадир Шкатулкин».

В поле была осень, жёлтая и тёплая. Какая-то вся праздничная, родная. Хотелось взять книгу предложений и написать:

«Дорогая природа! Спасибо за хорошую погоду и за солнце. Просим наградить всех работников чем-нибудь».

Машина бригада сидела в перерыв в поле на ящиках для кабачков, и Маша с ней беседовала. Все женщины с полеводческой бригады внимательно Машу слушали.

– Мы почему отстаём? – говорила Маша. – Потому что у нас коллектива нет. Каждый для себя работает и себе зарабатывает. Мы будем коллектив создавать. Согласны?

Женщины не спорили особенно, но и не соглашались.

– Лучше всего коллектив создавать в игре. Мы будем завтра в ручной мяч играть. Вы, Евдокия Павловна, будете стоять на воротах. Хорошо? – предложила она самой старшей работнице. – А вы, Антонина Семёновна, будете играть в нападении.

Старшая, Евдокия Частова, робкая такая женщина в платке, отрезала:

– Не могу я стоять на воротах, когда у меня корова не

доена. Да и стара я на воротах стоять. Я с них упаду. Я лучше дочку свою пришлю, Галку. Пусть мать на трудной работе заменит.

Антонина Семёновна Павловская, крупная такая работница, её поддержала:

– Я в телогрейке и сапогах в нападении играть не могу. Тяжело это. Я лучше Ваську, сына своего, командирую. Он и играть мячом любит, и в поле давно не работал. Завтра воскресенье, в школу ему идти не надо.

Старший бригадир Шкатулкин радостно вспомнил:

– У меня тоже сын есть, Шуряйка. Он на баяне играть может не хуже баяниста нашего, в пионерском лагере выучился. Он вам эту «Чунгу»! А мы с баянистом сходим пива попьем на станции. Мы три года в отпуске не были.

Потом он добавил:

– Только одно плохо. Мой Шуряйка на месте сидеть не умеет. Всё время бегаёт. Хоть к табуретке его приколачивай.

– Вот и хорошо, – сказала Маша. – Пусть табуретку с собой принесёт, молоток и гвозди.

И все остальные работницы из бригады просили себя детьми заменить. То есть к утру весь состав бригады у Маши обновился.

Пришли аккуратные девочки Галя Частова и Лида Расторгуева – дочери работниц бригады. А старушка Татьяна Семёновна ни дочек, ни внучек не имела. Она прислала соседку – тимуровку Туманову Свету.

Шкатулкин Шуряйка в самом деле принёс табурет, молоко и гвозди – всё, как было велено городским начальством. Видно, авторитет Маши, как руководительницы производства, всё ещё был достаточно высок.

Маша не стала с ними играть в весёлые игры, как со взрослыми. Каждому отвела грядку и сказала:

– Работайте, товарищи ребята! Собирайте мичуринки. А ты, Шуряйка, садись на табурет и играй «Чунга-чангу».

– Он хромает, – показал Шуряйка на табурет. Видно, дома ему выделили не самую лучшую мебель. – Можно, я в клуб слетаю, стул принесу?

– Не надо летать, – строгим бригадирским басом сказала Маша. – Вон ящик стоит для кабачков. Садись и играй.

Шуряйка сел и заиграл. Тут его укусил слепень. Шуряйка схватил доску от ящика и помчался за слепнем.

Маша догнала его и усадила. Все стали работать. Укладывать кабачки в ящики. Так они и ползали вдоль грядок каждый со своим ящиком. А Светка Туманова, как самая маленькая, тащила с ведром.

– Мне мама говорила, что здесь мяч гоняют! – ворчала Галка Частова.

– Лучше бы я осталась дома дрова пилить! – горестно сокрушалась Лида Расторгуева.

А Светка Туманова вздыхала, как пароход на мели.

– Эх вы! – стыдила их Маша. – А ещё сельская местность! Я этот спорт для взрослых заводила. Они у вас какие-то дох-

лые. А мы можем и без игр работать. Мы – молодёжь!

Тут бригадиров Шурайка бросил баян и куда-то помчался.

– Ты куда?

Шурайка замер:

– Эвон Павловский телок действует.

– Как он действует?

– Объявление ест около клуба.

– Ну и что?

– Его пора проучить. Ишь моду взял!

– Без тебя проучат. Садись и играй.

Шурайка сел и зачунгачангил. Но как-то так уныло. Будто эта самая Чунга тяжело заболела. И бригада стала вся какая-то квёлая, никудышная. Хуже, чем вчерашняя, родительская.

Каждый нехотя накладывал кабачки в свой ящик. Тащил ящик через всё поле к дороге. Брал новый ящик, пустой, и снова возвращался к бригаде.

– Нет, мы так много не насобираем! – сказала Маша. – Слушайте, я буду рассказывать одну историю про любовь.

Девочки так и потянулись к Маше и стали даже свои кабачки к ней в ящик укладывать.

– У нас в школе одна девочка влюбилась в одного мальчика. Он был из другой школы, для трудных ребят. Там учатся те, которые воришки, скандалисты, которые курят.

Маша не успела и начала историю рассказать, как её ящик

стоял уже полный. Никто его не понёс на край поля, чтобы не расставаться, а так на грядке его и оставили.

Маша дальше рассказ продолжила:

– Учителя девочке объясняют, что влюбляться в школе нельзя. Уж в крайнем случае, в отличников и достойных пионеров. А девочка не согласна. Она этому мальчику письма пишет и встречается с ним в парке. Там, где значки меняют.

И все они вместе ящик Светки Тумановой заполнили. Что делать? Послали Шуряйку за пустым ящиком:

– Ты, Шуряйка, положи баян и за ящиком сбегай. Ты у нас бегать мастак. Пусть твоя беготня со смыслом будет.

Шуряйка помчался за ящиком. Пока ящика не было, все стояли с кабачками в руках.

– Бросайте мне кабачки! – сказала Маша. – Как в штандар!

Все стали в неё кабачками бросаться. Она их ловила и к ногам складывала. Как только Шуряйка с ящиком примчался, кабачки в ящик быстренько запихнули. И Шуряйка снова за ящиком полетел.

– Встречались они в парке. Там этот мальчик значки менял у коллекционеров. Потом гуляли везде, на каруселях катались. Уроки учили на лавочке. Наша девочка очень способная была. А её родители сердились: «Где это ты гуляешь? Откуда у тебя столько значков? Прекрати немедленно!»

Тем временем под рассказ прошли поле до конца в одну сторону – от реки к дороге. Не успели оглянуться, как пять

больших ящиков наполнили.

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

9. «Письмо в Институт Улучшения.

Уважаемые товарищи!

Когда мы узнали про вас, мы обратились к вам за помощью. Мы думали, что вы улучшаете производство, как все нормальные институты, путём присылания студентов. А вы прислали эту Филипенко с небывалыми полномочиями. И говорите, что она всё улучшит.

Пока у нас тётки в телогрейках играют в мяч. Баянисты играют «Чунгу-чангу», а сама ваша Маша в первый день проспала на работу.

Давайте договоримся так. Я никому ничего не скажу. А вы заберёте эту организационную Машу и пришлёте обычных студентов 10 человек.

Если не верите, приезжайте и проверите.

Директор совхоза Демидов».

– И друзья девочке не помогали. Они говорили ей: «Эх ты, влюбилась, и металлолом мы без тебя собирали». Тогда девочка стала сердиться и на родителей, и на учителей, и на товарищей. А от сердитости хуже учиться стала, сделалась нервная и скандалистка.

Тем временем ребята решили без ящиков обходиться. Они расходились в стороны от Маши и кидали ей кабачки. Она их в кучу складывала. Когда куча большая вырастала, ребята на другое место переходили ближе к дороге. Скоро десять больших куч цепочкой стояли от реки до дороги.

Огромные кучищи.

Маша говорит:

– Ребята, вон нас сколько. Я одна не успеваю все кабачки ловить. Давайте мы на две бригады разобьёмся. Шуряйка у нас готовый ловильщик кабачков. И так будем рядом идти от речки к дороге.

Теперь две бригады медленно двигались по полю. А кабачки летали над ними, как стая чаек над рыбацкой лодкой.

Появился бригадир Шкатулкин и ахнул! Батюшки, да они треть поля собрали! Надо бы председателю доложить. Но он не пошёл, потому что от него пивом пахло.

По дороге с поля Маша историю закончила:

– Потом девочка совсем испортилась. Непослушная стала, капризная. В родителей стала книжками кидаться. Её отдали в школу для трудных детей. В ту самую, где мальчик со значками учился. Там она опять сделалась отличницей. Потому что она не трудная была, а нормальная. Неудобная просто.

Ребятам так Маша понравилась, что они решили и на следующий день прийти в поле работать. Правда, не целый день, а после школы.

...Как только ребята пришли, они на две бригады разбились и снова работать начали. Работали, работали, а через час всё поле было покрыто кабачковыми кучами.

Шуряйка говорит:

– Давайте мы будем кабачки хватать и к дороге наперегонки бегать.

– Нет, – возражает Маша, – кабачков много. Так мы будем до конца четверти бегать. Мы по-другому сделаем.

Маша выстроила всех ребят цепочкой вдоль грядок, и они стали кабачки из рук в руки через всё поле перебрасывать. А на краю поля их уже в ящики укладывали.

Тут подъезжает чёрная «Волга», и из неё выходит начальство разное: директор совхоза Демидов, старший бригадир Шкатулкин, профессор Баринов и другие лица. (Вернее, одно другое лицо. Это был сотрудник по математике Игорь Игоревич. Мы потом с ним ещё ближе познакомимся.)

Директор Демидов на поле посмотрел и глазам своим не поверил:

– Не может быть! Эти кабачки кто-нибудь ночью собрал.

– Наверное, на это поле ночью кабачковый десант выбросили, – согласился профессор Баринов. – Они кабачки собрали и в леса ушли.

Он к себе Машу позвал и спросил:

– Как дела, товарищ Маша, есть трудности?

– Есть, – говорит Маша. – Шуряйка у нас на шаг перешёл.

Из него вся шустрость вылетела. И ящики уже кончаются.

– Как кончаются? Как кончаются? – заволновался Шкатулкин. – Я за ними сейчас грузовик пошлю. И у Шуряйки шустрость опять появится. Я ему только ремень покажу от брюк.

– Расскажите, как вы работаете, – попросил профессор Баринов.

– Мы всё поле на клетки разбили. В середине вратарь стоит, и все ему кабачки кидают. Он их ловит и складывает. Потом бригада на новую клетку переходит. А потом все бригады объединяются и кабачки на край поля по цепочке передают.

– Это же бригадный метод! – ахнул Демидов.

– У нас такого никогда не было! – сказал Шкатулкин. – У нас каждый за себя собирал. Поэтому скорость была низкая. Да и ящики эти тяжёлые, как танки, не натаскаешься. А теперь мы по-другому заживём. Теперь мы всё сами будем быстро собирать. Теперь нам никаких студентов не надо будет.

Они стали втроём обсуждать бригадный метод. А сотрудник по математике отвёл Машу в сторону, усадил на ящик и стал знания проверять.

Он нашёл, что знания у Маши есть. Но их не много, и все они неправильные. И что надо срочно её в Москву забирать и учить там математике.

С этой «Волгой» Маша в Москву уехала.

А вся бригада за ней бежала и махала вслед. Потом стала отставать. Дальше всех Шурайка бежал. К нему опять шустрость вернулась. То ли ему ремень от брюк показали, то ли он Машу больше всех любил.

Маша кричала из окна:

– Не грустите. Мы ещё встретимся!

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

10. «Телеграмма в Институт Улучшения.

План по сбору кабачков и тыкв выполнили.
Приезжайте пробовать. Метод бригадной работы
внедряем везде.

Директор Демидов.

Заместитель директора Шкатулкин».

Значит, Шкатулкина повысили.

Глава 3

Третья профессия Маши Филипенко Тайна овощной палатки

Третью профессию Маше долго не давали: сотрудник по математике Игорь Игоревич запрещал. Он всё время с ней занимался, подтягивал её. Задачи ей давал.

«Из пункта А в пункт Б ехали велосипедисты. Половина велосипедистов остановилась около бочки с квасом. Из оставшейся половины половина вырвалась вперёд. Когда половина из них приехала в пункт Б, оказалось, что их семь человек. Сколько всего велосипедистов выехало из пункта А?»

Маша решала:

– Сначала вперёд уехало несколько велосипедистов. Потом ещё половина несколько. Получается полтора несколько. Потом ещё половина половины несколько. Всего стало одна несколько и три четвёртых. Значит, велосипедистов приехало больше, чем выехало. Совсем вы меня запутали, Игорь Игоревич!

– Это ты меня запутала, – отвечал он. – Нет такого понятия «несколько». Есть понятие – одно целое и его части. Целое можно обозначить буквой Х.

Маша обозначала целое буквой Х, и у неё ещё хуже получалось.

– Сначала у нас было X велосипедистов. Потом половина X пошла за квасом, а половина отстала. Значит, весь X растерялся по дороге и никто в пункт Б не приехал.

Игорь Игоревич аж зеленел. Он говорил:

– Есть учащиеся, которые не могут освоить понятие «неопределённое количество», им всегда нужно точные цифры называть. И ещё они не понимают, что такое пункт А, пункт Б и почему в бассейн в одну трубу вода вливается, а из другой выливается. Да ещё с разной скоростью. Они только глаза таращат и задыхаются, как рыба без воды.

– Совсем как я, – сказала Маша.

– Таким учащимся нельзя говорить: «Из пункта А в пункт Б шёл пешеход». Им надо говорить: «Из пункта Аптека в пункт Библиотека шёл пешеход профессор Баринов». У них тогда всё проясняется.

– Ой, – сказала Маша. – У меня всё прояснилось. Давайте про профессора Баринова решать.

– Этот метод, – сказал Игорь Игоревич, – называется методом конкретных действий. – Но решать задачу про своего научного руководителя отказался. – Мы возьмём пример из художественной литературы, – сказал он. – Записывай условие задачи: «Как ныне собирается вещей Олег из пункта А в пункт Б отмстить неразумным хазарам. Их сёла и нивы, расстояние до которых двести километров, за буйный набег обрёк он мечам и пожарам. Из тёмного леса навстречу ему, из пункта Б в пункт А, идёт вдохновенный кудесник со скоро-

стью пять километров в час. Требуется узнать, где встретятся эти пешеходы, если первый смирно стоит под стрелами врагов, а второй мчится по бранному полю». Автор задачи Пушкин.

В это время профессор Баринов вошёл.

– Как дела у вас?

– Трудная учащаяся, никакой ответственности. Её бы учётчицей в магазин послать, чтобы она за товар отвечала. Тогда она быстро и ящики, и килограммы, и литры, и мешки считать научится! – сказал Игорь Игоревич.

– У нас как раз есть заявка на улучшение работы одного овощного магазина. Население сердится, что там покупать нечего. А начальник торга говорит: «Мы эту палатку завалили продуктами. Даже бананы шлём». В общем, надо разобраться, в чём там дело.

Игорь Игоревич сказал:

– Отправляйте туда Машу немедленно. И меня к ней прикрепите. Я не думаю, что там порядок появится. Но считать она научится, это точно. И пятёрку по математике получит.

Через два дня был издан очередной приказ в Институте Улучшения.

ПРИКАЗ

Сотрудницу Филипенко М. А. направить в овощной магазин-палатку по улице Гашека, 18, в качестве продавца-исследователя.

Срок работы в пределах месяца.

Без отрыва от производства, без материальной ответственности.

В качестве консультанта к Филипенко М. прикрепить сотрудника по математике И. И. Кулибина с половинной материальной ответственностью.

Директор института профессор Баринов.

...Папа Филипенко прочитал приказ и спросил:

– Что такое материальная ответственность?

– Ответственность за материалы, – ответила Маша.

– Какие материалы в овощном магазине?

– Мешки всякие, целлофан. А есть ещё ящичная ответственность. Это за ящики. Или бочечная – за бочки. А у директора магазина, наверное, есть уже вагонная ответственность.

– Очень ответственная у вас работа, – сказал папа.

И вот после школы Маша отправилась на улицу Гашека. У неё было такое ощущение, что ей не очень обрадовались. Продавщица Зоя Абрикосова спросила:

– Ты что, умственно отсталая, раз тебя к нам прислали? Почему ты в школе не учишься?

– Я умственно нормальная, – ответила Маша. – Я к вам зарабатывать пришла.

– Ой, – засмеялась продавщица Клава Абрикосова. – У нас тут заработаешь!

Зоя и Клава были сёстры.

Работа у них была тяжёлая и сложная. Может быть поэтому от них и не веяло теплом к покупателю.

– Я научу тебя, как работать, – сказала младшая Зоя. – Главное, чтобы покупатель не капризничал. Его первым делом надо на место ставить.

Маша вопросительно посмотрела на старшую сестру Клаву. Та в ответ кивнула:

– Да, на место ставить и одёргивать. При случае можно и припугнуть. Он спросит: «Дайте мне двести граммов капусты». А ты ему в ответ: «Двести граммов! Буду я возиться из-за каких-то двухсот граммов. Это капуста, а не шоколадные изделия! Я людям мешками вешаю!» Если другой покупатель придёт и скажет: «Дайте мешок капусты!» – ты ему в ответ спокойно так и с достоинством заявляешь: «Ишь, распустились! Людям на суп двести граммов не хватает, а тут мешками берут! Это тебе капуста, а не железобетонные изделия!»

– Он тогда ручным становится! – подхватила Зоя. – Ещё ему можно сказать: «Ишь шляпу надел!.. Вы бы тут у нас сами поработали!.. Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!»

Маша всё это с первого дня запомнила. И ещё много чему у продавщиц научилась.

– Значит, главное – припугнуть и на место поставить?

– Припугнуть и на место поставить.

Маша стала готовиться к самостоятельной работе.

На складе она нашла старую тыкву и все внутренности из неё вынула.

Прорезала в тыкве глаза, нос, рот зубастый до ушей. Сверху к хвостику верёвку привязала. И верёвку за трубу у потолка забросила. Если за верёвку потянуть, улыбающаяся тыква вверх выезжала.

К тыкве Маша привязала старый мешок, как платье, и хоккейную клюшку.

Получилась смерть с косой. Такая овощная смерть со спортивным уклоном.

Эту смерть Маша до поры до времени в углу держала в боевой готовности.

Как за верёвочку потянешь, это улыбающееся изделие немедленно под потолок выкатывалось как солнышко.

Ещё одну верёвочку Маша к ручке двери на склад привязала. Дверь скрипела ужасно, будто асфальтовый каток по стеклу буксовал. Таким образом Маша звуковое сопровождение приготовила.

А чтобы довершить спектакль, наша ученица научилась крышку погреба ногой толкать. Погреб своей крышкой не хуже пушки грохал.

И стала Маша ждать, когда ей самостоятельную работу доверят.

Однажды продавщицам Зое и Клаве надо было на овощную базу ехать товар отбирать. Потому что туда репу завезли из Турции. Зоя говорит Клаве:

– Давай мы магазин закроем. «Учёт» повесим или «Ушла на базу».

Клава отвечает Зое:

– У нас и так каждый день «Учёт» или «Ушла на базу». Надо что-то другое придумать.

– Чего тут придумывать, – говорит Зоя. – У нас практикантка есть. Пусть поработает. Чего она без дела изюм грызёт!

Маша тоже говорит:

– Дайте мне самостоятельную работу. Я у вас уже три дня сижу, всё умею.

Старшая Клава посмотрела на неё и согласилась:

– Ладно. Будешь тот товар продавать, который не больше двадцати копеек за килограмм. Дороже чтоб ничего не продавать. А то ты нам наторгуешь!

Продавцовые сёстры уехали. Маша осталась за главную. Тут покупатель пришёл. Это был большой начальник из одного министерства.

Маша этого не знала. Она приготовилась покупателя на место ставить.

Он говорит:

– Дайте мне двести грамм изюма.

Она в ответ:

– Вот ещё! Буду я из-за двухсот граммов возиться. Люди мешками берут.

Покупатель из министерства даже подпрыгнул от удивле-

ния:

– Мешками?!

– Ну да! – бодро отвечает Маша. – Ишь, а ещё шляпу надел!

Покупатель говорит:

– Я шляпу не надел. Я, наоборот, снял шляпу. Потому что мне жарко стало.

А Маша дальше кричит:

– Вы бы у нас тут поработали! Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!

Покупатель тихо так спрашивает:

– Какого такого?

Маша не знала, что сказать, поэтому закричала совсем басом:

– Такого такого! Ишь чего хотят! Это изюм, а не железно-капустные изделия!

Она так расстаралась, что у неё изо рта пена пошла. Покупатель стал её успокаивать:

– Вы не волнуйтесь. Может, действительно, все мешками берут. Я тогда тоже мешком возьму. Только боюсь, у меня денег не хватит. Сколько стоит ваш изюм?

– Дороже двадцати копеек я не продам, – говорит Маша. – И не просите. А то я тут наторгую.

Покупатель совсем удивился:

– Пока я в своём министерстве сидел сельскохозяйственном, тут большие изменения произошли. Цены почти даро-

вые сделались. А мне жена ничего не сообщала. Зарплату по-прежнему требовала.

Он на витрину внимательно посмотрел:

– А кедровые орехи у вас почём?

– По двадцать копеек.

– А грецкие?

– Дороже двадцати не продам.

Покупатель успокоился и говорит:

– Дайте мне полмешка того и полмешка сего.

Маша видит, он опять спокойный стал, неодёрнутый. Она решила в ход своё главное дисциплинирующее устройство пустить. За верёвочку потянула. Тут овощная смерть со своей улыбочкой наверх полезла.

Клюшкой размахивает. Покупатель глаза выкатил, шёпотом спрашивает:

– Это-о что-о?

– Ах, это? – небрежно говорит Маша. – Это смерть продуктовая. Каждый день ровно в обед приходит. Сейчас кричать начнёт.

Сама за верёвочку от двери на склад потянула. Дверь страшно скрипеть и визжать принялась на своих петлях. Маша ногой люк подняла – и грох!!!

Будто пушка из-под земли шарахнула.

Покупатель как закричит:

– Караул! На помощь! – И бежать.

Только он за углом скрылся, Зоя с Клавой пришли. Клава

спрашивает:

– Как торгуется?

– Нормально, – отвечает Маша. – Один покупатель уже убежал.

– Почему убежал? – спросили сёстры Абрикосовы.

– Я его на место поставила. Проучила чуть-чуть.

– А что, он платить не хотел?

– Почему не хотел? Хотел. Он хотел изюма целый мешок купить.

– Может, он какое недовольство проявлял? Жалобную книгу требовал?

– Ничего он не проявлял, – успокоила их Маша. – Он вообще хороший человек, из министерства.

– Так зачем же его на место ставить?

– Мне надо было средство проверить, – объяснила Маша. – С которым я дальше работать буду. С плохими покупателями. Это были испытания.

– Какие ещё испытания? Какое ещё средство? – спросила старшая Абрикосова.

– Вот это, – сказала Маша и потянула за верёвочку.

Овощная смерть опять на каменный небосклон вылезла. А дверь страшно скрипеть начала. Сёстры сразу побелели. Потом Зоя говорит:

– Вот что, пока не поздно, нужно эту командировочную из торгового помещения убирать. Нечего из нашего магазина комнату ужасов устраивать... Какая-нибудь бабушка здесь

рассудка лишится, нас же потом под суд отдадут. Мы её на склад отправим, пусть ящики считает.

Старшая Клава поддержала:

– Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела. На складе ей самое место, там посторонних нет. Пусть и чучело с собой берёт. Может, какой жулик залезет. Пусть лучше он очокурится, чем честные труженики.

Маша согласилась. На склад так на склад. Лишь бы поль-зу приносить. Она смотала смерть продуктовую и на склад отправилась.

Скоро туда и Игорь Игоревич пришёл с Машей заниматься. Вообще-то Игорь Игоревич был студентом педагогическим. То есть он был наполовину учителем. Но из него, наверное, очень хороший учитель получится. Потому что из-за одной Маши он как на праздник одевался. На нём был костюм в искорку и галстук в серый горошек.

Они занимались и одновременно работали. Морковь по пакетам рассовывали.

Маша просто рассовывала, а Игорь Игоревич задачки придумывал:

– На склад привезли десять ящиков с яблоками и десять с бананами. И пять бумажных мешков с лимонами. В первый день продали несколько ящиков и мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали всё, что осталось. И это было меньше, чем в первый.

Маша спросила:

– Игорь Игоревич, где вы условие задачи взяли?

– У кладовщика в накладной прочитал.

Маша говорит:

– Это неправильная задача. Я в этом магазине три дня работаю и ни разу ни яблок, ни бананов, ни лимонов на прилавке не видела.

– Так быть не может! – говорит Игорь Игоревич. – Если в первый день завезли бананы, то во второй день продали бананы. Так во всех учебниках пишут.

Они к кладовщику пошли, товарищу Поросёнкову. Это был спокойный человек, в брезентовом фартуке.

Он говорит:

– Что там в учебниках пишут, я не знаю. У нас всё по-другому. На первый день привезли двадцать ящиков с яблоками, на второй день увезли двадцать ящиков с яблоками. На первый день привезли бананы, на второй день вывезли. Только картошка с капустой задерживаются.

Товарищ Поросёнков был пенсионер. Ему не повезло с фамилией, но очень повезло с характером. Его ничего не сердило, и из него никогда не выскакивали вопросы. А из Маши они так и летели во все стороны:

– А когда же их увозят эти бананы-яблоки?

– Не знаю, – ответил пенсионер. – Вечером я склад запираю, они есть. Утром я склад отпираю, их нет.

– Это какая-то загадочная тайна, – говорит Игорь Игоре-

вич. – Пока мы ответа на эту задачу не найдём, мы другими заниматься не будем.

Они решили на ночь на складе спрятаться и узнать, куда ящики деваются.

Договорились потеплее одеться, взять фонари, чтобы не страшно было, и всё-всё расследовать.

Но до этих пор они, как обычно, картошкой и капустой занимались. Брали мешки, грузили на тележку и везли в торговый зал к Зое и Клаве. Игорь Игоревич всё равно удержаться не мог. Он Маше снова и снова задачи задавал, правда, уже полегче – про картошку и капусту:

– На склад привезли десять мешков с капустой и десять с картошкой. И пять бумажных мешков с морковью. В первый день продали несколько мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали всё, что осталось. И это было вдвое меньше, чем в первый.

Маша подходила к кассе и спрашивала:

– Скажите, тётя Зоя Михайловна, за сколько часов мы картошку продадим?

– Продадим к вечеру.

– Почему?

– К вечеру народ пойдёт. Всё расхватает.

Всё это Маша сообщала Игорю Игоревичу:

– Я решила всё. Картошку продадут к вечеру.

– Почему?

– К вечеру народ пойдёт. Всё расхватают. Это мне Зоя Михайловна сказала.

– Вот человек! – говорил Игорь Игоревич. – Вместо того чтобы просто решить, полгорода с вопросами обегает. Маме на работу позвонит, справочное бюро на ноги поставит. Всё умеет делать, только думать не может.

Они стали готовиться в складе прятаться. Игорь Игоревич пошёл домой за фонарями и телогрейками. Маша домой позвонила:

– Папа, не пугайся. Я домой ночевать не приду. У меня дело есть важное. Я буду всю ночь на складе сидеть в засаде против жуликов.

Папа закричал:

– Что это за засады? Ты где работаешь – в магазине или в городской милиции?

– Я в магазине работаю. А здесь постоянно бананы пропадают. И лимоны куда-то деваются.

– Всё ясно, – говорит папа. – У вас волки завелись лимонные. По ночам приходят и налимониваются. А ты будешь их арестовывать.

– Волки не волки, – отвечает Маша, – а бывает так, что кобылицы волшебные по ночам приходят и всё едят. Как в «Коньке-горбунке». И потом, я не одна буду, а с Игорь Игоревичем.

Тогда папа успокоился:

– Ладно. Я маме про жуликов ничего говорить не буду. Я

ей только скажу, что вы с Игорь Игоревичем в засаде сидите, математику решаете. Это такой новый метод засадный. Современные дети просто заниматься не умеют. Им нужны какие-то особые условия. Им нужно в засаде сидеть или на крыше. Или в поход идти по Африке. Чтобы кругом слоны были и бегемоты. Они тогда всё лучше усваивают.

Тут Игорь Игоревич вернулся. Они с Машей засунулись в магазин к Зое и Клаве. Сказали, что домой уходят. А сами тихонечко пошли на склад и спрятались в капусте.

Они тихо-тихо сидели, как мышки. Игорь Игоревич задавал Маше задачки:

– В одну столовую завезли грибы. Белые и подосиновики. Подосиновиков было в три раза больше, чем белых. Сколько всего было грибов, если подосиновиков было девяносто?

Маша сразу решила... Она твёрдо решила, что летом соберёт много грибов и принесёт их в школьную столовую для супа. А то у них всё рассольник с уткой и рассольник с уткой. Рассольник с уткой и рассольник с уткой. Если каждый начнёт в столовую грибы приносить или сухофрукты, у них будет не столовая, а кафе ресторанного типа. Можно будет даже гостей приглашать.

Заскрипела дверь.

Это пришёл кладовщик пенсионер Поросёнков. Он запер дверь, и засада началась. Маша и Игорь Игоревич укрылись мешками и стали ждать ответа, куда яблоки деваются. Они ждали, ждали, ждали, ждали... ждали... ждали... и глаза у

них стали закрываться.

Они заснули.

Когда они проснулись, кругом было утро. Солнце так и прыгало во все щели. Кладовщик товарищ Поросёнков скрипел дверью. Всё было, как и вчера.

Только лимонов не было.

Игорь Игоревич был мрачный и помятый. Маша тоже выглядела, как будто её на помойке нашли. И ничего они не узнали, куда яблоки деваются.

Они незаметно выбрались из капусты и стали работать. Опять таскали пакеты с картошкой, консервы, изюм. Хорошо, что в этот день ни яблок, ни лимонов не было. И Игорь Игоревич с Машей могли вечером пойти домой и нормально спать на кроватях.

На следующий день яблоки снова приехали. И бананы с лимонами. Маша прямо так и спросила у Зои:

– Тётя Зоя Михайловна, а когда мы их продавать будем?

Зоя Абрикосова прямо так и ответила:

– Не твоего ума дело. Когда надо, тогда и будем. Если тебя из школы исключили, значит, поменьше спрашивай.

Маша ещё сильнее захотела во всём разобраться. В конце рабочего дня они с Игорем Игоревичем снова на склад пробрались. И в картофельных мешках спрятались. Только в этот раз Маша похитрее была. Она взяла и тихонечко верёвочки привязала к яблочным ящикам.

А от ящиков к Игорю Игоревичу, к ботинкам.

– Всё! – сказала Маша. – Они в наших руках!

И тут ночь наступила быстро-пребыстро. За последние дни Маша на складе так уматывалась, что только глаза закрывала, сразу наступало утро. Какие-то ночи стали короткие – секунд десять.

Сегодняшняя ночь была особенно короткой – секунды две с половиной.

Будто какой-то волшебник просчитал: «Раз! Два! Три!» – и покрывало ночное сдёрнули... И Игорь Игоревич остался без ботинок.

Он тихо закричал из мешков:

– Караул! Ботинки пропали!

Маша срочно отыскала рабочие рукавицы брезентовые и дала их Игорю Игоревичу на ноги. Игорь Игоревич сразу стал похож на большую, хорошо воспитанную обезьяну.

– Тут целая шайка действует, – сказал он. – Мафия. Не только ящики воруют, людей раздевают.

Хотя никто людей не раздевал, а немного разували.

– Мы их обязательно разоблачим! – поклялся Игорь Игоревич.

Кое-как они отработали этот день. Игорю Игоревичу из дома тапочки привезли.

Потом ещё один день прошёл. И вот третья ночь наступила, самая решительная. Снова яблоки завезли. И лимоны в бумажных мешках.

Продавицы Зоя и Клава в этот день в кино торопились.

Они были раскрашенные и нарядные.

– Картина будет очень хорошая, – говорила Клава. – «Саженьцы» называется. Это про яблони и про огурцы.

– Сама ты про огурцы! – говорила Зоя. – Это про бандитов, которых в тюрьму сажают.

Они повесили «Ушли на базу» и велели Маше магазин запирать.

Маша и Игорь Игоревич магазин заперли и на склад пробрались, пока кладовщик Поросёнков двор подметал, гремя своим фартуком.

В этот раз Маша взяла с собой карманный радиоприёмник, чтобы не заснуть.

Они его включили и слушали «Последние известия», «Прогноз погоды на завтра», «Встречу с песней», «Передачу для родителей», «Вечернюю сказку», «Из зала суда», «Театр у микрофона», «Прогноз погоды на завтра», «Сегодня в мире», «Прогноз погоды на завтра», «Для тех, кто не спит», «Для строителей БАМа», «Прогноз погоды на завтра».

И вот послышался шум мотора, ярко засветили фары во все трещины складских ворот. Подъехала машина. Двери открылись, и вошёл человек.

Он стал грузить ящики в кузов грузовика.

– Дождались! – сказал Игорь Игоревич. – Похититель прибыл. Сейчас мы его разоблачим.

– Не надо его разоблачать, – ответила Маша. Давайте мы вместе с ящиками погрузимся. Мы тогда всех сразу возьмём.

Как только человек очередной ящик понёс, они из ворот выскользнули. А когда человек ворота запер и в кабину пошёл садиться, они в кузов быстренько вскарабкались.

Машина поехала.

Было холодно-прехолодно. И ехали они долго-предолго.

И наконец, когда уже светать начало, они куда-то приехали. Только они с Игорем Игоревичем никак встать не могли. Потому что у них руки и ноги от холода плохо двигались.

Человек начал машину разгружать. Игорь Игоревич встал наконец, взял в руки пакет с подпорченными яблоками, поднял его над головой и говорит водителю-расхитителю:

– Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас разоблачили!

Водитель руки поднял и отвечает:

– При чём тут я? Я просто шофёр. Со мною экспедитор есть. Он за все товары в кузове отвечает. Вы его разоблачайте!

– Зовите его сюда! – командует Игорь Игоревич.

– Товарищ Баранкин! – кричит шофёр. – Идите сюда. Вас разоблачать будут.

Товарищ Баранкин подошёл и смотрит. Игорь Игоревич ему говорит:

– Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас раскрыли!

Товарищ Баранкин руки вверх поднял и отвечает:

– Интересное кино: почему это меня? Подождите, не кидайтесь вашей кислятиной. Я вам один документ покажу.

– Показывайте! – разрешил Игорь Игоревич.

Экспедитор товарищ Баранкин бумагу протянул:

– Видите, это наряд на получение овоще-фруктов в магазине на улице Гашека?

– Вижу. И что?

– Вы нам своими нарядами глаза не затуманивайте! – строго сказала Маша.

– Я вам не барышня – нарядами глаза затуманивать. У меня наряд есть, я товар получаю. А подпись под нарядом директора нашего сельпо товарища Косогорова.

Игорь Игоревич строго так кричит:

– Всё ясно, кто главный зачинщик. Ведите сюда вашего товарища Косогорова. Будем его допрашивать.

Сбегали за товарищем Косогоровым. Теперь уже три человека стоят перед грозным Игорем Игоревичем с поднятыми руками.

Товарищ Косогоров мирно так говорит:

– Знаете что? Зачем вы нас здесь разоблачаете, на улице? Пойдёмте ко мне в дом. Жена чаю приготовит. Позавтракаем.

Игорь Игоревич на Машу посмотрел. Она сказала:

– Хорошо. Пойдёмте. Только и не думайте убежать. Мы вас из-под земли достанем.

Они прошли в дом товарища Косогорова. Светлый такой дом, с цветами и с канарейкой. Даже не верилось, что преступники такие уютные бывают. Наверное, товарищ Косогоров хорошо замаскировался.

Сели пить чай.

Товарищ Косогоров спрашивает:

– Какие претензии вы к нам имеете?

– Вот какие, – ответила Маша. – В магазин по улице Га-шека поступают бананы и яблоки. А покупатели их не видят ни в первый день, ни во второй. Потому что они исчезают в неизвестном направлении. Кто-то каждую ночь их украдает.

Товарищ Косогоров всё внимательно выслушал и говорит:

– Можно, я задам разъяснительные вопросы?

– Можно, пожалуйста. Только это вас не спасёт.

– Вы видели, в каком виде приходят яблоки?

– В каком?

– В таком, что ими только в театре в плохих артистов ки-даться хорошо. Дайте мне ваш пакет с кислятиной.

– Какой вы хитрый! – говорит Маша. – Вы нас разоружить хотите.

– Я вас угостить хочу.

– Нет, не надо нас угощать, – говорит Маша. – Тут на весь пакет всего три яблока хороших. Остальные чёрные.

– Кто же будет в городе такие яблоки покупать? – спра-шивает товарищ Косогоров. – Может быть, хорошо, что они исчезают?

– Может быть, и хорошо. А кто будет в деревне такие яб-локи покупать? Кому они нужны?

Тут товарищ Косогоров закричал:

– Вась! Вась! Вась!

И из-под скамейки маленький козлёнок выскочил. Косогоров дал ему яблоко с гнильцой. Козлёнок как съест это яблоко!

– Пойдёмте дальше, – говорит Косогоров.

Он взял пакет и вышел во двор. А там кого только нет. И куры, и гуси, и кролики, и телёнок. Как увидели они тухлые яблоки, как обрадуются! Так и кинулись на них.

– Всё понятно? – спрашивает товарищ начальник сельпо. – Конечно, это неправильно, но плохими яблоками сельскую местность можно снабжать. Им есть применение. Зато наши рабочие ещё и бананы получают. Благосостояние у нас растёт, а бананы не растут. И лимоны не растут.

Маша и Игорь Игоревич всё уже поняли.

И спросили:

– А откуда такие плохие яблоки берутся?

– Я думаю, в этом овощная база виновата. Эти яблоки хранили неправильно.

Тогда Маша и её учитель поблагодарили товарища Косогорова и всех других товарищей и спросили:

– Скажите, а где тут у вас электричка останавливается?

– А вон там, позади пятиэтажного Дома культуры. У нас поезда очень часто ходят.

Так и закончилась эта история. И закончилась третья профессия Маши Филипенко.

Глава 4

Четвёртая профессия Маши Филипенко

Ассистент овощного хранильщика

Как только Маша вернулась домой, она сразу стала отчётную записку писать. А уже потом привела себя в порядок и спать легла.

АТЧЁТНАЯ ЗАПИСКА

Уважаемый профессор Баринов.

Из магазина по улице Гашека продукты увозят в сельское по. Потому что там порченые яблоки едят сельские хозяйственные животные. А бананов там вообще не видели. Теперь видют. Это на станции Турист.

Главное, надо наладить овощную базу для правильного хранения испорченных яблок. Тогда они будут неиспорченные.

Улучшательница Филипенко.

На свободном месте Игорь Игоревич приписал:

«С отчётом согласен. Прикреплённый Игорь Игоревич. В дополнение сообщаю, что успеваемость у улучшательницы улучшилась. Я имею в виду математику. А что касается русского языка, сами

«видюте».

Сотрудник по математике Кулибин И. И.»

Через несколько дней появился на свет

ПРИКАЗ ПО ИНСТИТУТУ УЛУЧШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

В связи с потребностями времени и по заявке директора овощного торга направить улучшительницу Филипенко М. А. на овощную базу Дзержинского района в качестве ассистента хранильщика овощей.

Работы по хранению овощей проводить по воскресеньям без отрыва от школы и семьи.

Главный учёный профессор Баринов.

Маша получила приказ на руки и домой его принесла. Папа прочитал и сказал:

– Мне этот приказ очень нравится. Ты у нас, Марья, совсем от семьи оторвалась. И от магазинов. Вот тебе три рубля, беги в булочную, купи килограмм песку и батон. А когда прибежишь, проводи у себя в комнате субботник. Потому что у тебя там столько мусора накопилось, что пола не видно. На люстре прыгалки висят, и на аквариуме колготки качаются.

В школе Екатерина Ричардовна была рада Маше. Она сказала:

– Посмотрите, ребята, как труд полезен третьекласснику. Маша пошла работать в магазин совсем отсталая. Ни одной задачи решить не могла. А сегодня всё сама решает.

Маша так и засияла. Ею можно было весь широкий Невский проспект освещать.

– И Дима Аксёнов правильно делает, что у неё списывает. Но решать задачи Маша правильно научилась. А писать грамотно не умеет. Она пишет: «На склад завезли БАтинки...»; «За десятую пятилетку будет поставлено четыре тысячи семьсот электрАвозов...» Она всё время «а» и «о» путает. И Дима Аксёнов, который правильно делает, что у неё списывает, неправильно делает, потому что списывает с теми же ошибками. Ему можно сразу две двойки ставить – по математике и по русскому. Дима, выбирай, какая тебе больше нравится.

Дима долго выбирал. Потом сказал:

– Никакая не нравится.

– Ладно, – сказала Екатерина Ричардовна. – Поставим тебе по математике. Потому что по русскому у тебя уже есть.

Наступило воскресенье. Рабочий улучшательный день для третьеклассницы Марии Александровны.

Около метро «Варшавская» рано-рано утром в темноте идёт весёлый поток трудящихся. Это – инженеры, физики, журналисты, сборщики приборов, регулировщики автоматов, студенты и другие представители граждан Москвы. Они, как и Маша, спешат на овощную базу. Так уж принято – овощи надо спасать.

Маша, как приехала на базу, пошла в цех помидорно-яблочного хранения. Там её встретила начальница цеха Ната-

ля Павловна Науменко.

Она посмотрела на путёвку и сказала Маше:

– Мне некогда тобой заниматься. Ко мне народ пришёл разный. Иди к дяде Паше Лексееву, старшему хранильщику. Он тебе всё объяснит.

И закричала в глубину цеха:

– Товарищи из метрополитена, проходите к яблокам. Товарищи из медицинского института – к помидорам. А товарищей с телевидения у нас явный избыток. Мы их перебросим в соседний цех на картофель.

Тут у неё зазвонил телефон. Она закричала в трубку:

– Начальник цеха по яблокам и помидорам у аппарата. Я слушаю. Что? Сто человек пропало с «Шарикоподшипника»? Нет, ко мне они не приблуждались. Если придут, я их отправлю в дирекцию.

Потом она обратилась к метрополитеновцам:

– За работу, товарищи! Будем спасать яблоки!

Потом она обратилась к мединститутовцам:

– За работу, товарищи! Будем спасать помидоры!

Снова зазвонил телефон. Наталья Павловна закричала:

– Начальник помидорного цеха слушает... Да, поняла. –

Она обратилась к людям, работающим в цехе: – Товарищи, среди вас нет замминистра по Маркаронии? Его срочно разыскивают. Неожиданно прибыла делегация маркаронских специалистов.

Работающие ответили, что нет.

– Нет. У нас нет такого товарища. Если найдётся, мы вас известим.

Люди из разных организаций стали очень весело работать. Все они были одеты как попало. Было непонятно, кто журналист, кто шарикоподшипниковец, а кто просто так себе, физик-теоретик, кандидат наук. Все они очень уважали яблоки и помидоры и очень аккуратно их перебирали. А все работники базы были в синих телогрейках с иголки.

И очень важно повсюду ходили.

Дядя Паша Лексеев повёл Машу к себе в комнату без окон, стал поить чаем и про свою работу рассказывать.

– Главное в нашем деле – электрическая вата, – говорил он. – Чем больше электрической ваты мы сэкономим, тем больше нам, хранильщикам, платют.

Маша слушала затаив дыхание.

– Вот к примеру. Сэкономил я один килограмм ваты, мне четыре копейки премия.

– При чём тут вата? – спросила Маша. – Вату можно в аптеке экономить.

– В аптеке одна вата. В электричестве другая. Электрический расход энергии в килах ваты меряют. Мой сосед Пахомыч вчера семь киллов ваты сэкономил. Так ему прибавка выйдет двадцать восемь копеек.

– Как он сэкономил? – спросила Маша.

– Он электрический подъёмник выключил.

– И как же поднимали всё без подъёмника?

– Просто поднимали. Студентами в корзинах. Вчера суббота была. Много студентов было. Они и поднимали. Наматываешь?

– Наматываю, – сказала Маша.

– Исходя отсюда, у тебя задача будет – везде свет выключать. Электрическую вату экономить. В стране этой ваты не хватает.

– Но овощей тоже не хватает! – сказала Маша.

– Овощей, вона, завались! – возразил дядя Паша. – Потом, за овощи я не отвечаю. За овощи у Натальи Павловны голова болит. Ей за них отвечать.

Тогда Маша с ходу деловое предложение внесла:

– Может, нам совсем главный рубильник выключить? Вся вата у нас останется.

– Эта мысль правильная! – степенно сказал дядя Паша. – Но не верная. Если мы главный рубильник выключим, все лампочки погаснут. И людям не видно будет, где какой овощ испортился и какой перебирать нужно.

– А если им фонари раздать?

– Когда у тебя в одной руке фонарь, много не наперебираешь. И потом... если мы главный рубильник выключим, весь холод из базы уйдёт. Яблоки ещё выдержат, а фрукты уже нет. Мы главный рубильник только по ночам выключаем.

Маша всё поняла и пошла к начальнику цеха.

– Наталья Павловна, скажите, что важнее – электрическая вата или овощи?

– А почему, девочка, ты об этом спрашиваешь?

– Потому что то и другое сохранить нельзя. Надо или вату спасать, или помидоры с яблоками.

– Не знаю, при чём здесь электрическая вата. Мне лично овощи дороже. Я за них отвечаю.

У неё зазвонил телефон.

– Я вас слушаю. Нет, не присылайте к нам маркаронскую делегацию. Мы вашего сопровождающего не видели. И ансамбль Большого театра нам не нужен. Нам спортсмены нужны, силовики. У нас ни один электрический подъёмник не работает.

Она на Машу посмотрела:

– Ты, девочка, что стоишь? Иди на ворота. Будешь их по команде открывать. Электрический мотор на воротах испортился.

Стала Маша на воротах кататься туда-сюда. Вместе со сторожем. Он на одной половинке ворот катался. Она на другой. Как сторож махнёт – открывай! – она в одну сторону едет, он в другую. Как сторож махнёт – закрывай! – они навстречу друг другу катятся. Сначала у них неловко получалось, чуть-чуть маркаронскую делегацию не прищемили, которая нашлась и уходила. Потом они научились так ловко кататься – лучше всякого мотора электрического. Не меньше полкила ваты сэкономили.

И тут большая машина выезжает, гружённая испорченными яблоками. Маша на воротах выехала, чтобы открыть до-

рогу. А закрывать не поехала. Ушла. Она пошла в Институт Улучшения.

По дороге она думала про сотрудников: «Интересно, а по воскресеньям они работают или нет? Наверное, работают. Они почему-то всегда работают. Это ухудшать производство можно с выходными. А улучшать нужно круглосуточно. Я им сейчас всё расскажу!»

Она подошла к двери. Вахтёр её спросил:

– Ты куда?

– К главному учёному Баринову.

– Его нет. Уехачи.

– А Игорь Игоревич есть?

– И его нет. Уехачи.

– А кто-нибудь есть?

– Никого нет. Все уехачи. На овощную базу отправились.

Картошку перебирать.

Глава 5

Не до профессий

Вечером Маша написала очень подробную записку про овощную базу. Что овощи плохо хранятся из-за того, что сторожа электроэнергию экономят. Они по ночам главный рубильник выключают, и холод уходит.

Все Машу очень хвалили, даже папа. Только Екатерина Ричардовна по-прежнему была недовольна Машей. Она говорила:

– Может, ты и приносишь пользу народному хозяйству. Но в школе от тебя пользы нет. Тебе первым делом надо свою успеваемость улучшать. – Она обратилась к классу: – Вот, ребята, смотрите, я задала упражнение. Надо было предложения дополнить причастными оборотами. Вот эти предложения: «Холодный и резкий ветер дует с гор в долину». «Мальчик палочкой гнал обруч по брусчатой мостовой». А причастные обороты были такие: «Норовящий поломать всё вокруг» и «Одетый в бархатные штанишки». И вот что получилось у Маши: «Холодный и резкий ветер, одетый в бархатные штанишки, дует с гор в долину» и «Мальчик, норовящий поломать всё вокруг палочкой, гнал обруч по брусчатой мостовой». Я живу на свете двадцать шесть лет и никогда не видела ветер, одетый в бархатные штанишки. Вы думаете, это неграмотность? Нет, это небрежность. Желание написать

что-либо и бежать по своим более важным делам.

Лучшая улучшательница с ужасом слушала про этого мальчика, норвящего поломать всё вокруг своей палочкой. И поняла, что слишком оторвалась от класса и от учебников.

А Екатерина Ричардовна прошлась по классу, горестно посмотрела на каждого.

И каждому её грусть передалась.

И сказала Екатерина Ричардовна:

– Если спросят моё мнение, я скажу: надо Маше отдохнуть от улучшения производства. Надо ей заняться русским языком.

Когда пришла переменка, в классе спор разгорелся: что важнее – народное хозяйство или народная успеваемость?

Валера Готовкин напирал на хозяйство:

– Пока мы население товарами не завалим, нам трудно с него спрашивать хорошую работу.

Дима Олейников возражал:

– Меня не надо товарами заваливать. У меня всё есть. Завалите меня только велосипедом гоночным. И спрашивайте любую работу, хоть контрольную.

Лена Цыганова сказала:

– Если ты такая улучшательница, скажи нам, как лучше сборы проводить пионерские. А то у нас ничего не получается. Завтра у нас по плану вечер тихих игр. Так на него никто не придёт.

Маша стала думать, как сделать так, чтобы на вечер тихих

игр все пришли. Потому что сидеть и тихо играть в шашки у них было мало добровольцев. Если бы пенсионеров со сквера позвать, их бы от таких игр не оторвать. Они народ сознательный.

А в Машинном классе ребята так устроены, что от тишины бегут, как от пожара. Если бы их надо было ловить, то их ловили бы на шум. Рыба на червяка идёт, птица – на зерно, а третьеклассники на шум ловятся. Встань на главной городской площади, возьми в руки кукующий африканский барабан и начни по нему колотить изо всех сил. Чтобы пошли воюющие звуки африканских джунглей. И что будет? Через полчаса все городские третьеклассники возле этого барабана будут косяком ходить. Редко будет среди них встречаться первоклассник. Ещё реже четвероклассники. А пятиклассников совсем не будет. Этих старших надо на звуки полкового оркестра ловить. Более старших – седьмой и восьмой класс – можно из всего города на танцы вытянуть и собрать.

С тихим вечером что-то надо было изобрести. Маша решила: пусть каждый из дому свою любимую игру принесёт. Он в свою игру играет хорошо. И весь класс будет против него силы выставлять, чтобы выиграть. Вот азарт и появится. Маша сказала Лене Цыгановой:

– Пусть на этот вечер каждый принесёт что у него есть. Кто хоккей, кто летающие колпачки, кто рулетку, кто лабиринт с катательным кубиком. Будет весело!

Лена была хорошая звеньевая, очень старательная. Но ка-

кая-то слегка варёная, кисловатая. И из-за этой её варёноватости и кисловатости общественная жизнь в классе тоже была варёноватая и кисловатая. Она очень обрадовалась такому предложению и сразу написала объявление:

РЕБЯТА!

Скоро, во вторник, состоится вечер тихих игр.

Просим всех принести свои тихие игры из дома. Победителей ждёт приз.

Ребята очень обрадовались объявлению и стали готовиться ко вторнику.

Во вторник, как только кончились уроки, ребята, как капельки ртути, по городу разбежались, по домам. А потом снова в одну большую ртуть стянулись. И каждый в школу свою любимую игру принёс.

Игры были разные. Дима Аксёнов принёс карты. Дима Олейников принёс телевизионную приставку. Её к телевизору подключишь – и в телевизоре игроки появляются. И можно ими играть в теннис, управляя ручками с приставками.

Валера Готовкин принёс настольный хоккей с военным уклоном. Потому что обе команды хоккеистов были в военно-спортивной форме. В фуражках и пилотках, с лампасами. Эту форму им сам Валера придумал. Получалась хоккейная команда маршалов против команды генералов.

Лена Цыганова принесла такую хозяйственную игру – «Штопай сам». Были и другие игры. Все как начали играть! Как начали кричать! Шум коромыслом, только лампы под

потолком качаются.

Екатерина Ричардовна говорит:

– Дима, разве карты – детская игра?

Дима отвечает:

– Конечно, детская. Мне старший брат все рисунки переделал. У меня не короли и дамы, а разные специальности – врачи в белых халатах, милиционеры в синих брюках. Военные – зелёного цвета и оранжевые – строители. И играем мы не на деньги, а на стихотворения.

– Как так на стихотворения?

– Кто проиграл, должен стихотворение выучить. Или задачку решить, – объясняет Дима.

Екатерина Ричардовна поразилась:

– Вот не думала, что из азартной игры, в которую в подворотне играют, можно учебное пособие сделать. Теперь я первая играть стану. Зовите Машу Филипенко. Мы с ней на диктанты поиграем.

Позвали Машу и стали играть втроем: Маша, Екатерина Ричардовна и Дима Аксёнов.

Не успела Маша оглянуться, как дурочкой стала. Она очень в этих картах путалась. Козырями в первый кон милиция была. А Маша в погонах не разбиралась. Она лейтенанта милиции за самого главного приняла. И придерживала до конца игры. Думала, раз у него звёздочек больше, значит, он главнее.

А главнее-то был генерал с одной звёздочкой, но большой.

Маша этим генералом в самом начале медицинскую крестовую десятку покрыла. И ещё. К ней туз пришёл в виде почётной грамоты. А она думала, что это погон военный, а значит, самая маленькая карта. И тоже скорее в ход пустила, чтобы у себя мелочь до конца игры не держать.

Второй раз играть стали. В этот раз Дима дурачком оказался. Ему Маша помогла.

Он сказал:

– Эх, Маша, Маша. Может, ты производство и улучшаешь, но хуже тебя в карты никто не играет. Ты всё норовишь соседа засыпать. Меня то есть. А того не видишь, что после моего засыпания Екатерина Ричардовна под тебя ходит.

В общем, в конце игры вся милиция и медицина у него оказались. А строительные рабочие и военные у Маши были. А у Екатерины Ричардовны ничего не было. Только один учебник русского языка.

Она сказала:

– Ты, Дима, будешь Маше упражнение про суффиксы диктовать, вот это. Ты, Маша, будешь Диме другой диктант читать, про прилагательные. Только не шумите. У нас вечер тихих игр.

Зато другим ребятам больше повезло. Надя Абдурахманова как начала штопать, как начала! У её парты очередь образовалась.

– У кого дырки! Подходи садись!

Дима Олейников горячий был, дурноватый и в Надю

влюблённый. Он сам себе в новых штанах дырку прорезал.

Его так хорошо заштопали, просто незаметно, где дыра. Только штопали его, не раздевая. Как говорится, в присутствии заказчика. Поэтому брюки к трусам приштопали.

Он вечером раздеваться стал, чтобы спать, брюки снял, и трусы тоже с брюками уехали. Он ничего не заметил. А утром как начал кричать:

– Караул! Раздели! Где мои трусы?!

Пока трусы всей семьёй искали, он в школу опоздал, мама – на работу, старший брат – в институт, папа – в бассейн.

Но это потом было. Давайте не отвлекаться, вернёмся на вечер. Класс напоминал разворошённый муравейник.

Игр было много. Каждый старался в разных местах очередь занять. Такой шум стоял, что сторож пришёл, дядя Шакир.

– Что это вы шумите? Это вам школа, а не стадион.

Потом он увидел, что Валера Готовкин в настольном хоккее не может клюшкой гол забить, и давай кричать:

– Выкручивай! Выкручивай! Крути игроком! Какой бес-толковый!

– А здесь ручки нет, – сказал Валера Готовкин. – Он плохо выкручивается.

– Как нет? Как нет? – заволновался Шакир. – Сейчас сделаем!

Он пошёл в электрокабинет, принёс пластмассовую ручку от вольтметра и приделал её.

В это время бабушка Нади Абдурахмановой пришла, бабушка Роза.

– Это что такое? Почему ребёнка до сих пор дома нет?

– Бабушка, я сейчас. Только дырку Аксёнову заштопаю на носке.

– Разве так надо иголку держать? – говорит бабушка Роза. – Разве такими нитками штопают?

И давай показывать, как правильно работать надо. Тут появился дедушка Валеры Готовкина, во всём своём генеральском великолепии.

– Что тут мой внук делает? Я из командировки на самолёте прилетел, а его дома нет. Может, натворил чего?

– Ничего я не натворил! – кричит Валера из угла. – Я здесь в шахматы играю с Димой Аксёновым.

Дедушка Валеры подошёл, стал смотреть. В это время пришёл папа Димы Аксёнова. Он в магазине работал, продавцом в мясном отделе.

После работы он шёл домой мимо школы, видит: в Диминном классе свет горит. Он и решил с Екатериной Ричардовой поговорить, узнать, как тут его Дима учится. Как учителя слушает и уважает? Нужно ли ему Диму дома лупить, или пусть так ходит, нелупленный. В общем, педагогические вопросы его мучили.

Смотрит он: Дима в шахматы играет.

– Ты что, Дима, проигрываешь?

– Проигрываю, папа.

– Конечно, – говорит Димин отец, – если кому-то генералы помогают.

– Он мне не помогает! – кричит Валера Готовкин. – Он просто так стоит.

– Я тоже буду просто так стоять! – говорит папа Димы Аксёнова. – Ну-ка подвинься, сынок!

Тогда и генерал говорит:

– И ты, внучек, подвинься. Давно я не брал в руки шахматы!

Ближе к темноте другие родители тоже стали подтягиваться. Пришёл папа Лены Цыгановой, пришла бабушка Димы Олейникова с большой сумкой. Она сразу стала командовать:

– Уже скоро девять часов, а ребёнок не ужинал.

Она как достанет целую сумку пирожков! Дима как закричит:

– Отойди со своими пирожками! Ты меня всё время преследуешь!

Но другим ребятам пирожки с первого взгляда понравились. Они намекают:

– Дима, ты не прогоняй бабушку. Ты сначала пирожки попробуй.

Дима своё кричит:

– Вот вы и попробуйте. Я даже во сне от этих пирожков бегаяю!

Папа Лены Цыгановой был небольшого роста, но очень

весомый. Он посоветовал:

– Вы и в самом деле угостите других ребят. Как они начнут есть, и у вашего аппетит появится.

Бабушка решила попробовать:

– А что? Ешьте, ешьте, пожалуйста. Угощайтесь!

Ребята так и закрутились вокруг сумки, как осы вокруг гнезда. Генерал Готовкин говорит:

– Всем можно участвовать? Я летал на Дальний Восток. Не то что обедать, позавтракать не успел.

Ему тоже дали пирожки. Тогда папа Димы Аксёнова вступил:

– У меня с собой тоже игра есть, называется «Весёлые сосиски». А по-другому – «Юный повар-электрик». – И он достал большой пакет сосисок из-за пазухи.

Все заинтересовались:

– Почему это повар – электрик?

– Газовых плит в школе нет, печек тоже не бывает. А разные электронагреватели в физическом кабинете есть.

– Этта точно! – сказал дядя Шакир.

Он пошёл в физический кабинет и принёс электронагревательный прибор – чайник.

В этом чайнике сварили «Весёлые сосиски». Дима Олейников больше не кричал, что пристают. Он сосиски ел.

Его бабушка тогда сказала:

– Я всё поняла, чем теперь Диму кормить. Я такой чайник куплю. Буду в нём электрические сосиски варить. Дима тогда

сразу поправится, потолокстеет. Хорошо учиться начнёт.

Всё больше и больше родителей приходило.

Екатерина Ричардовна сказала:

– Раз так много родителей пришло, можно родительское собрание провести. Потому что обычно родителей в школу ничем не заманишь.

Она увела пап и мам в соседний класс и сказала:

– Дорогие и уважаемые родители! Знаете ли вы, что наиболее вредно для наших детей?

– Папиросы! – сказал генерал Готовкин.

– Нет.

– Отсутствие витаминов! – сказала бабушка Димы Олейникова.

– Дурное влияние улицы! – решил папа Аксёнов.

– Плохие жилищные условия! – сказал весомый Цыганов.

– Нет. Нет. И нет! – твёрдо ответила Екатерина Ричардовна. – По мнению современных психологов, наибольший вред приносит родительская опека. Она главный детский враг двадцатого века. Так считает академик Столбун. Вы читали его работу «Родители и дети»? Папы и мамы балуют ребят, суют им витамины, одевают в самые лучшие одежды. Лишают всякой самостоятельности. И это губит детей.

Родители несогласно зашумели. Маленькие парты под ними скрипели и шатались.

– Не верите? – спросила Екатерина Ричардовна. – Смотрите, кто у нас самый плохой ученик? Дима Олейников.

Непослушный, капризный, ничего не усваивающий. Его бабушка прибежала сюда одна из первых. И не просто пришла, а с сумкой с пирожками. Она накормила полкласса. Заметьте, все ей благодарны, кроме внука. Кто у нас следующий по неуспеваемости? Дима Аксёнов. Он передовик по двойкам. Его папа здесь, и сосисками обвешан, как грузинский князь патронами. Следующий отстающий – Валера Готовкин. Его дедушка с Дальнего Востока прилетел и куда отправился? В Генеральный штаб? В Министерство обороны? В столовую? Нет, он голодный в школу пришёл. Как тут его внук, жив ли? А кто у нас хорошо учится, всё быстро схватывает? Пожалуй, Маша Филипенко. Живая девочка, самостоятельная, даже слишком. Где её мама? Где её папа? Нет их. Они по первому капризу дочери никуда не бегут. Она у них сама себя воспитывает.

Увидели родители, что Екатерина Ричардовна говорит вещи неприятные, но правильные. И замолкли парты под ними.

Папа Маши Филипенко объявился последним. И даже не пришёл, а позвонил в учительскую. Телефон долго трещал по всем углам школы, пока Маша к нему не прибежала. Она расчёской вытолкала из-под нижней двери крючок, и обе половинки отворились.

– Алло, папа, это ты звонишь? Я так и думала.

Глава 6

Пятая профессия Маши Филипенко Страдания троллейбусного парка

Однажды мама пришла с работы грустная и позвала Машу на кухню чай с ней пить:

– Вы своим Институтом везде в городе производство улучшаете, а о нашем троллейбусном парке даже и не думаете.

Маша поразилась:

– Неужели не думаем? Я обязательно поговорю с профессором Бариновым... чтобы мы задумались. Не грусти, мама.

Как только время у неё выдалось, она отправилась в Институт Улучшения. Вахтёр к ней уже привык, дневник не требовал и не придирался. Он закричал вахтёрским голосом:

– А! Незамутнённая появилась. С чем пожаловала?

– Мы по всему городу производство улучшаем, а о маминском троллейбусном парке даже и не думаем.

– А какой у неё парк?

– Второй.

– А у нас шестой. И о нём мы тоже не думаем. Мы, выходит, уже о двух парках не думаем. Надо это исправлять.

– Я и пришла исправлять, – сказала Маша.

– Очень вовремя, – поддержал её вахтёр. – Всё начальство

на местах.

Пожилой профессор Баринов сидел в кабинете на столе и наклеивал почтовые марки.

– А, лучшая улучшательница! С чем пожаловала?

– Вот с чем, – сказала Маша. – Мы по всему городу производство улучшаем, а о мамином троллейбусном парке даже и не думаем.

– Почему не думаем? – удивился профессор Баринов. – Думаем.

– А что мы о нём думаем?

– Я, например, думаю, что в этом троллейбусном парке всё в порядке. Троллейбусы ходят, билеты продаются, провода не перепутались.

– Почему вы так думаете?

– Потому. Если бы у них что-нибудь не работало, от них бы давно заявка поступила. Спасите, мол, помогите, погибаем!

– Не поступала заявка? – потускнела Маша.

– Не поступала, – ответил профессор, облизывая очередную марку. – А что у них случилось? Шины лопаются? Билетов нет? Мыши все билеты на обои растащили?

– Я у мамы спрошу, – сказала Маша.

– Выясни, что там у них. И пусть они заявку пришлют. А теперь до свидания. Я занят важной работой. У меня ещё сто марок не наклеено.

– Ой, давайте я буду вам помогать! – закричала Маша. –

У меня язык ох какой мокрый!

Они стали наклеивать наперегонки. Маша девяносто марок наклеила, а профессор только десять. Но зато всё правильно.

Маша пришла домой, сели они с мамой снова чай пить, и стала она у мамы выяснять.

– Что там у вас, мама, не так? Может, у вас шины лопаются? Может, у вас провода перепутались? Может, у вас билетов нет – мыши всю бумагу на пакеты растащили?

– Нет, – ответила мама. – С этими проблемами у нас всё в порядке. Нас другое беспокоит. У нас большая текучесть водительских кадров.

– А что это такое?

– Водители с работы уходят. Из столовой повара не уходят. Из мастерских не уходят. А из водителей бегут.

– Может, вы им платите мало? – спросила Маша.

– Больше всех платим. И путёвки даём.

– Может, у них детского сада нет?

– Есть у них детский сад.

Маша как начала выяснять, её не остановишь.

– Может, у них работа опасная? Сейчас бабушки так перед колёсами и бегают. Особенно дети.

– Не бегают у нас бабушки под колёсами. Сейчас на всех остановках подземные переходы есть.

– Тогда в чём же дело?

– Это я сама и хочу узнать.

– Знаешь что, мама. Напиши заявку нам в Институт. Вам кого-нибудь выделяют. Сейчас много хороших улучшателей есть.

– Придётся, – сказала мама. – Видно, без ваших улучшателей у нас плохо будет. Давай твой дневник.

Не прошло и двух дней, как Машу вызвал профессор Баринов. В этот раз он сидел за столом, ничего не клеил и был очень важный.

– Слушай, Маша, как у тебя в школе с отметками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.